

Редакционная деятельность О. И. Сенковского: история творческих взаимоотношений с Е. А. Ган

Вопрос о том, что О. И. Сенковский, главный редактор «Библиотеки для чтения», вольно распоряжался текстами, ставился в отношении не только Е. А. Ган¹, но и других авторов, печатавшихся в журнале.

В конце 1830-х гг. многие писатели, среди которых А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, А. Ф. Воейков, П. А. Вяземский, Д. В. Давыдов, В. И. Даль, В. А. Жуковский, И. А. Крылов, В. Ф. Одоевский, М. П. Погодин, С. П. Шевырев, объявляют бойкот журналу. Это объясняется отчасти «гипертрофированным вмешательством» Сенковского в текст. Сенковский считал, что редактор журнала должен

<...> быть не просто передатчиком всяких, наудачу взятых, мыслей, взглядов и фактов, а передатчиком рассудительным и совестливым, сообщаящим своей публике те мысли, взгляды и данные, которые, во-первых, согласны с его собственным убеждением и, во-вторых, доступны и полезны для ее образованности [Сенковский 1858: LXXX].

Воспоминания 30-х гг. XIX в. единодушно отмечают резкое изменение в составе сотрудников «Библиотеки для чтения» на протяжении первых трех лет существования. В самом деле: даже поверхностный просмотр легко обнаружит, что тот блистательный перечень, который печатался в течение первого года на обертке «Библиотеки для чтения» сильно поредел в 1835 и 1836 гг. [см.: Каверин 1966: 62].

¹ Елена Андреевна Ган (1814—1842), урожденная Фадеева, двоюродная сестра Е. А. Сушковой, тетка С. Ю. Витте, мать писательниц В. П. Желиховской и Е. П. Блаватской. Известна как беллетристка, писавшая под псевдонимом Зенеида Р-ва, сотрудничавшая в журналах «Библиотека для чтения» и «Отечественные записки». В 1843 г. вышли четыре тома «Сочинений Зенеиды Р-вой», а в 1905 г. — шесть томов «Полного собрания сочинений» (переиздано в 1909 г.). Напряженная литературная работа, а также материальные трудности и не совсем удавшаяся семейная жизнь быстро подточили ее здоровье. Летом 1839 г. она лечилась в Одессе, весной 1842 г. она снова поехала туда, но лечение оказалось ошибочным, Ган умерла.

Скажут: Жан Поль Рихтер, а не Сю. Все сцены предрассудительные и даже только сомнительные просто уничтожены. Перипетия совсем другая. Сципион вылезал в окошко, когда отец поставил полицейского у ворот, свернул себе шею — и все пришло в порядок. Весь сенсимонизм — прочь, вон. И даже понять нельзя, отчего и как Баскина и Кукла умирают вместе. Говорю я вам — не развязка, а чудо. Сам я в удивление от своей изобретательности. Сто лет читая, не найдете ни одного слова для красных чернил [Каверин 1966: 63—64].

В 1836 г. Сенковский обратил внимание на начинающую писательницу Ган и помог ей войти в русскую литературу. В «Библиотеке» он напечатал ее дебютную повесть «Идеал», в написании которой принимал непосредственное участие. В знак благодарности писательница пообещала отдавать все свои произведения в «Библиотеку». Несмотря на непростые отношения с издателем, сотрудничество длилось с 1836 по 1841 г. Однако последние повести Ган «Напрасный дар» и «Любинька» были напечатаны уже после смерти писательницы в «Отечественных записках» А. А. Краевского.

Основной задачей статьи является проведение сравнительного историко-литературного анализа текстов повести «Идеал» Ган-писательницы и Сенковского-редактора. Объектами исследования стали два источника: прижизненный вариант повести, опубликованный в «Библиотеке» с редакторским вмешательством Сенковского, и посмертное издание повести в полном собрании сочинений, сделанное по авторскому тексту (со слов родственников писательницы) без правок Сенковского. Рукописный источник повести неизвестен.

Чтобы ответить на вопросы, насколько творчество писательницы было самостоятельным и оригинальным и какова редакторская ценность правок Сенковского, обратимся к «Библиотеке» за 1837 г., в которой была опубликована повесть.

Главная героиня «Идеала» Ольга Гольцберг — сирота, провинциальная молодая замужняя женщина, натура возвышенная, утонченная. Ее выдали замуж за человека намного старше ее, с которым у нее нет никаких общих интересов, но она имеет моральные представления о семье. Женщина встречает столичного поэта

Анатолия. Он известен, его стихи печатают самые модные журналы. Ее любовь к Анатолию платоническая, она восхищается им, ей кажется, что он ее понимает. Он становится для нее идеалом. Но происходит развенчание идеала. Ольга возвращается на землю.

Сопоставим начало повести.

Полное собрание сочинений	«Библиотека для чтения»
<p>Дом дворянского собрания <i>был</i> великолепно освещен; плошки на воротах, плошки у подъезда, кареты, коляски, брички, сани <i>везли</i> целые грузы бабушек, маменек, дочек, внучек. Собрание <i>было блистательное</i>. Два жандарма, стоявшие у крыльца, не успевали отгонять опорожненных экипажей. Канцелярские стряхивали снег со своих шинелей, артиллеристы, <i>смотря с улыбкой презрения на этих фрачников, гордо</i> расправляли усы и всклокоченные волосы. Но то ли еще было в зале! [Ган 1843: 3].</p>	<p>Дом *** <i>ского</i> дворянского собрания великолепно освещен; плошки на воротах, плошки у подъезда; кареты, коляски, брички, сани <i>везут</i> целые грузы бабушек, маменек, дочек, внучек, <племянниц; мужья, женихи, танцоры, игроки, недоросли <i>градом сыплются с неба на крыльцо</i>>. Собрание будет великолепно. Два жандарма, стоявшие у крыльца, не успевали отгонять опорожненных экипажей. Канцелярские стряхивали снег со своих шинелей, артиллеристы <...> расправляли усы и всклокоченные волосы. Но то ли еще было в зале! [Ган 1837: 115].</p>
<p>Но полковник Гольцберг был <i>добрый немец</i>; славный хозяин <i>в своей батарее</i>, удалой кавалерист, подчас кузнец и шорник, подчас барышник, которого не провел бы ни один цыган: <i>он знал все подробности пушки и зарядного ящичка</i>, но сердце женское было для него тайником непроницаемым. Он женился, потому что ему было сорок лет и хотелось обзавестись хозяйством; потому что Ольга ему понравилась, и он полагал, что хотя она не имеет приданного, однако может составить его счастье на зимней квартире.</p> <p>О счастии женщины он имел короткое и ясное понятие: благосклонное обращение, снисходительность к капризам и <i>модная шляпка</i>, — вот что, по его мнению, не могло не осчастливить женщины, и к этому он, вступая в супружеское звание, обязался мысленно подпискою [Ган 1843: 26—27].</p>	<p>Но Гольцберг был <i>только любитель лошадей</i>, славный хозяин <...>, славный малый, <i>удалой наездник</i>, подчас кузнец и шорник, подчас барышник, которого не провел бы ни один цыган: <i>он хорошо</i> знал <i>все подробности своей части</i>, но сердце женщины было для него тайником непроницаемым. Он женился, потому что ему было сорок лет и хотелось обзавестись хозяйством, потому что Ольга ему понравилась, и он полагал, что хоть она не имеет приданного, однако может составить его счастье на зимней квартире.</p> <p>О счастии женщины он имел короткое и ясное понятие: благосклонное, <то есть <i>нестрогое</i>> обращение, снисходительность к капризам и <i>трижды в год новое платье</i>, — вот что, по его мнению, не могло не осчастливить женщину, и к этому он, вступая в супружеское звание, обязался мысленно подпискою [Ган 1837: 130].</p>

Разночтения в текстах начинаются с первого абзаца. Правки не меняют сути, не обогащают мысль, не несут художественной ценности; напротив, Сенковский детализирует, уточняет, подчеркивает, по-видимому, стремясь добиться достоверности и комического эффекта. В этом тексте абсолютно не имеет значения, как будет назван второстепенный персонаж. Сенковский меняет форму некоторых глаголов с прошедшего времени на настоящее. В авторском тексте Ган при описании губернаторского бала встречаем такую фразу: «четыре люстры величаво спускались с потолка» [Ган 1843: 4]. Сенковский уточняет: «четыре люстры с сальными свечами» [Ган 1837: 115]. Очевидно, что никакой художественной ценности такая правка не несет, но разницу между восковыми столичными и провинциальными «сальными» читатель мог ощутить. Править, добавлять абзацы, предложения было привычным делом для Сенковского. Пользуясь абсолютным правом редактора, он нередко вносил в чужое произведение свой текст, резал, сокращал, вставлял целые сцены, менял концовку произведений. Сенковский мог позволить себе такое вольное отношение даже с переводами Ж. Санд, О. де Бальзака.

Так, в повесть романтически настроенной писательницы Сенковский вставляет инородную, отличающуюся по стилю и характеру, сцену: поэт Анатолий, пьяный после веселой дружеской пирушки, возвращается домой, бьет слугу и ругается:

Замок щелкнул, и вошел... идеал пьяный! Первым действием идеала была несостоявшаяся оплеуха слуге, который злобно уклонился от неуверенного удара: поэтическая рука описала полукружие в пустом воздухе, слабые ноги идеала зашатались, и Анатолий Борисович чуть не упал навзничь. Но за эту неудачу из уст, дышащих винными парами, посыпался град страшных проклятий.
— Снимай шубу, мерзавец! [Ган 1837: 175].

В этом эпизоде происходит развенчание *идеала*. Цель редактора — примирить героиню с действительностью. Замысел редактора ясен: вставляя эпизод, он хотел адаптировать повесть к жизни, приблизить повествование к жизненным реалиям и таким образом снять излишний налет романтизма. Но он делает

это слишком грубо и натурально, нарушая романтический строй произведения, разрушает возвышенно-романтическую тональность повести.

Сцена развенчания идеала-Анатолия была кульминационной и для Ган, и для Сенковского. Редактор таким образом хотел наглядно показать дистанцию между идеальным образом поэта, созданным героиней под впечатлением от его творчества, и реальным, земным. В журнальном варианте сцены звучат отголоски стихотворения А. С. Пушкина «Поэт»: «И меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он» [Пушкин 1977: 23]. В частности, Сенковский добавляет в повесть следующее:

Ольга имела довольно времени для размышления за лакейскими ширмами о том, откуда идеалы получают те восторженные возгласы о чистой, священной любви, которые некогда проникли в ее душу <...>; и она могла делать философские заключения о различии чувств печатных и чувств, служащих этим господам для их домашнего обихода [Ган 1837: 174].

Возможно, Сенковский пытался разбавить женский текст «мужским сознанием». Эпизод посещения Ольгой кабинета Анатолия сюжетно напоминает эпизод из романа в стихах «Евгений Онегин», где Татьяна изображена в кабинете Онегина. Сцена, не вписавшись в романтическое полотно повести, резко выделяется. Критика оценила этот эпизод как «грязный». Подобное поведение по канону того времени было неприемлемо, тем более в дебютной повести начинающей романтически настроенной писательницы. Критики в один голос заявили, что это пошло. Белинский порицал вмешательство Сенковского:

Прибавим только, что, когда эта повесть была напечатана в одном журнале, сцена возвращения домой поэта была исполнена самых грязных, циничных подробностей, а поэт был представлен пьяным: это была дружеская услуга досужего журналиста, охотника исправлять чужие сочинения. В издании «Сочинения Зенеиды Р-вой», печатавшемся с подлинной рукописи покойной сочинительницы, эти позорные для памяти женщины прибавки, разумеется, исключены [Белинский 1955: 671—672].

Ган, чтобы развенчать героя и помочь героине прозреть, в сюжет повести добавляет деталь — случайно прочитанное письмо. Анатолий долго не появляется в свете, героиня беспокоится и приезжает к нему домой. Не найдя его дома, она видит на столе незапечатанное письмо и случайно знакомится с его содержанием. У Ган это неотправленное письмо Анатолия другу. Сенковский же делает Анатолия адресатом, а письмо написано другом, неким Жоржем. Содержание писем в текстах, опубликованных в полном собрании сочинений Е. А. Ган и в «Библиотеке для чтения», отличаются.

Полное собрание сочинений	«Библиотека для чтения»
<p>«Что тебе вздумалось, mon cher, в эту пору уехать в полк за сорок верст от пиров и от разгульной жизни? Я непременно надеялся видеть тебя у нашей Юлии, она, как ангел, пропела последнее трио в новой опере и после представления мы пресвесело отужинали и осушили задравный кубок в честь ее музыкальных способностей. А прогос, знаешь в каком я смешном положении? Я не смею казаться в свете и в театре бываю только в закрытой ложе обворожительной графини Омброзио. Мои услужливые друзья по просьбе моей распустили слух о моей смертельной болезни. И для чего? Смейся, смейся, граф. Все для моей духовной, туманной Гольцберг. Признаться, она мне уже надоела, но не хочется бросить начатое неоконченным из сострадания. Я должен обратить ее к земным помышлениям. Но Бог с ней, поговорим о моей неаполитанской чародейке. Она делает из жизни моей рай, я не думал, чтобы я был еще в состоянии влюбиться до такой степени...» [Ган 1843: 96—97].</p>	<p>Вот оно письмо. Оно было от Жоржиньки. «Любезный Анатолий, я у тебя был три раза и никогда не застаю тебя дома. Зачем ты не был вчера у нашей итальянки? У нее была славная игра, наверное, лучше той, которая влечет тебя к П-у. Что касается до твоего поручения, то я не забыл о нем, не имел случая исполнить. Madame Holzberg никуда не выезжает, и меня дважды не приняла. Но будь спокоен. Я настроил Софию Ивановну, чтобы она непременно заставила О-скую пригласить твою Крымскую Венеру сегодня на свой бал. Она мне обещала сама сказать ей, что ты болен. Остальное довершу я. В угождение тебе я уверю ее, что ты ужасно болен, что ты умираешь, и, если угодно, уверю, что ты умер. Право, хочешь ли? Что тебе притвориться больным? Полумеры никуда не годятся. Позволь сказать, что ты умер, а там увидим, как воскресить тебя» [Ган 1837: 172].</p>

За письмом следует реплика автора: «Негодяй Жоржинька! Но он тоже пишет стихи. Можно ли ожидать добра от этих господ, которые пишут дрянные стихи?» [Ган 1837: 172]. Ган, конечно же, не могла написать подобного. Видимо, это выпад Сенковского против поэтов.

предложением, потому что деспотизм Сенковского превышает мое терпение» [Гершензон 1911: 71].

А в начале января 1839 г. она писала жене Сенковского о сделанном Краевским предложении участвовать в его новом журнале «Отечественные записки»:

Некий (un certain) г. Краевский, редактор «Отечественных записок», поручил моему родственнику предложить мне писать для его журнала, сделав мне при этом великолепные обещания, очень для меня подходящие, но, так как я никогда не забуду, что г. Сенковский именно натолкнул меня на этот путь, руководил моими первыми шагами, и что его снисходительности и покровительству я обязана своим небольшим талантом, то не хочу сделать ни малейшего шага, не испросив его одобрения, не будучи уверена, что это ему понравится, потому что я не знаю ни этого Краевского, ни его отношений к г. Сенковскому. Я должна признаться вам, что это меня очень бы поправило, потому что, изготавливая 4—5 рассказов в год, я не смею и думать, что супруг ваш может их поместить более двух в год в «Библиотеке»; таким образом, посылая ему мои лучшие произведения, я могу предоставить остаток г. Краевскому [Старчевский 1886: 513].

Разрыв с Сенковским произошел лишь спустя два года, когда, по мнению А. В. Старчевского, сменившего Сенковского на посту редактора «Библиотеки», «женская интрига» сделала то, чего не добился и «самый ловкий и практичный из редакторов» [Старчевский 1886: 514]. «Женская интрига» носила частный характер, а словами «самый ловкий и практичный из редакторов», по-видимому, Старчевский намекает на Краевского, который, исходя из законов жесткой издательской конкуренции, находясь в оппозиции к Сенковскому, переманивал в свой журнал его авторов.

Причиной разрыва стали и старые обиды. О развитии своих отношений с Сенковским Ган рассказывает в письме своей подруге детства Наталии Кузовлевой (кем она была, доподлинно не уставлено, но, как следует из письма, хорошо знала Сенковского и бывала в его доме) в марте 1839 г.:

Ты все еще в энтузиазме перед архистратигом нашей литературы С<енковским> и часто у него бываешь? Берегись, влюбишься, и выйдет роман <...>! Правда, что я была им очарована в начале нашего знакомства. <...> Да, я была упоена, но не ослеплена, и прозрев сквозь туман, заметив, под пла-

СОКРАЩЕНИЯ

Ахматова 1889 — *Ахматова Е. Н.* Осип Иванович Сенковский (барон Брамбеус). Воспоминания Е. Н. Ахматовой // Русская старина. 1889. Т. 62. Май. С. 286—287.

Белинский 1955 — *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1955. Т. 11.

Ган 1837 — *Ган Е. А.* Идеал // Библиотека для чтения. 1837. Т. 21. Отд. 1: Русская словесность. С. 115—180.

Ган 1843 — Сочинения Зенеиды Р-вой: В 4 т. СПб., 1843. Т. 1.

Гершензон 1911 — *Гершензон М. О.* Материалы по истории русской литературы и культуры: русская женщина 30-х годов // Русская мысль. 1911. № 12. Отд. 13. С. 54—73.

Гоголь 1940 — *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: В 14 т. М.; Л., 1940. Т. 10.

Каверин 1966 — *Каверин В. А.* Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». М., 1966.

Очман, Исаев 2013 — *Очман А. В., Исаев Л. Н.* Светлая полоса жизни: Елена Ган и Кавказские Минеральные Воды. Пятигорск, 2013.

Пушкин 1977 — *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Л., 1977. Т. 3.

Сенковский 1858 — *Сенковский О.* Собрание сочинений: В 9 т. СПб., 1858. Т. 1.

Старчевский 1886 — *Старчевский А. В.* Роман одной забытой романистки // Исторический вестник. 1886. № 8. С. 203—234; № 9. С. 509—531.